

РАЗМЫШЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ИСАЕВИЧА СОЛЖЕНИЦЫНА О СТАРООБРЯДЧЕСТВЕ И СУДЬБАХ РУССКОГО НАРОДА

Из статьи «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни» (1973 г.)

В дальнем прошлом (до XVII века) Россия так богата была движениями раскаяния, что оно выступало среди ведущих русских национальных черт. В духе допетровской Руси бывали толчки раскаяния — вернее, религиозного покаяния, массового: когда оно начиналось во многих отдельных грудях и сливалось в поток. Вероятно, это и есть высший, истинный путь раскаяния всенародного. Ключевский, исследуя хозяйственные документы древней России, находит много примеров, как русские люди, ведомые раскаянием, прощали долги, кабалу, отпускали на волю холопов, и тем значительно смягчался юридически-жестокый быт. Широкими жертвами завещателей снижался смысл материального накопления. Известна множественность покаянного ухода в скиты, в отшельничество, в монастыри. И летописи, и древнерусская литература изобилуют примерами раскаяния. И террор Ивана Грозного ни по охвату, ни тем более по методичности не разлился до сталинского во многом из-за покаянного опаматования царя.

Но начиная от бездушных реформ Никона и Петра, когда началось вытравление и подавление русского национального духа, началось и выветривание покаяния, высушивание этой способности нашей. За чудовищную расправу со старообрядцами — кострами, щипцами, крюками и подземельями, еще два с половиной века продолженную бессмысленным подавлением двенадцати миллионов безответных безоружных соотечественников, разгоном их во все необжитые края и даже за края своей земли, — за тот грех господствующая церковь никогда не произнесла покаяния. И это не могло не лечь валуном на все русское будущее. А просто: в 1905 гонимых простили... (И то слишком поздно, так поздно, что самих гонителей это уже не могло спасти.)

Весь петербургский период нашей истории — период внешнего величия, имперского чванства, всё дальше уводил русский дух от раскаяния. Так далеко, что мы сумели на век или более передержать немыслимое крепостное право — теперь уже большую часть своего народа, собственно наш народ содержит как рабов, не достойных звания человека. Так далеко, что и прорыв раскаяния мыслящего общества уже не мог вызвать умиротворение нравов, но окутал нас тучами нового ожесточения, ответными безжалостными ударами обрушился на нас же: невиданным террором и возвратом, через 70 лет, крепостного права еще худшего типа¹.

В XX веке благодатные дожди раскаяния уже не смягчали закалевшей русской почвы, выжженной учениями ненависти. За последние 60 лет мы не только теряли дар раскаяния в общественной жизни, но и осмелили его. Опрометчиво было обронено и подвергнуто презрению это чувство, опустошено и то место в душе, где раскаяние жило. Вот уже полвека мы движимы уверенностью, что виноваты царизм, патриоты, буржуи, социал-демократы, белогвардейцы, попы, эмигранты, диверсанты, кулаки, подкулачники, инженеры, вредители, оппозиционеры, враги народа, националисты, сионисты, империалисты, милитаристы, даже модернисты — только не мы с тобой! Стало быть, и исправляться не нам, а им. А они — не хотят, упираются. Так как же их исправлять, если не штыком (револьвером, колючей проволокой, голодом)?²

Из послания Третьему собору Русской Зарубежной Церкви (1974 г.)

¹ Имеется ввиду приход в 1917 г. к власти большевиков — *Ред.*

² Солженицын А.И. Раскаяние и ограничение как категории национальной жизни. // Публицистика. Т.1. Ярославль, 1995 С.59-60.

Я осмелюсь остановить внимание собравшихся еще на другом — дальнем, трехсотлетнем грехе нашей русской церкви, я осмеливаюсь полнозвучно повторить это слово — грехе, еще чтоб избегнуть употребить более тяжкое, — грехе, в котором Церковь наша — и весь православный народ! — никогда не раскаялись, а значит грехе, тяготевшем над нами в 17-м году, тяготеющем поныне и, по пониманию нашей веры, могущим быть причиною кары Божьей над нами, избытой причиною постигших нас бед.

Я имею в виду, конечно, русскую инквизицию: потеснение и разгром устоявшегося древнего благочестия, угнетение и расправу над 12-ю миллионами наших братьев, единоверцев и соотечественников, жестокие пытки для них, вырывание языков, клещи, дыбы, огонь и смерть, лишение храмов, изгнание за тысячи верст и далеко на чужбину — их, никогда не взбунтовавшихся, никогда не поднявших в ответ оружия, стойких, верных древле-православных христиан, их, кого я не только не назову раскольниками, но даже и старообрядцами остерегусь, ибо и мы, остальные, тотчас выставимся тогда всего лишь новообрядцами. За одно то, что они не имели душевной поворотливости принять поспешные рекомендации сомнительных заезжих греческих патриархов, за одно то, что они сохранили двуперстие, которым крестилась вся наша Церковь семь столетий, — мы обрекли их на гонения, вполне равные тем, какие отдали нам возместно атеисты в ленинско-сталинские времена, — и никогда не дрогнули наши сердца раскаянием! И сегодня в Сергиевом посаде при стечении верующих идет вечная неумолчная служба над мощами преподобного Сергия Радонежского, — но богослужебные книги, по которым молился святой, мы сожгли на смоляных кострах как дьявольские. И это непоправимое гонение — самоуничтожение русского корня, русского духа, русской целостности — продолжалось 250 лет (не 60, как сейчас) — и могло ли оно не отдалиться ответным ударом всей России и всем нам? За эти столетия иные императоры склонны были прекратить гонения верных подданных — но высшие иерархи православной церкви нашептывали и настаивали: гонения продолжать! 250 лет было отпущено нам для раскаяния, — а мы только и нашли в своем сердце: простить гонимых, простить им, как мы уничтожали их. Но и это был год, напомним, 1905-й — его цифры без объяснения сами горят, как валтасарова надпись на стене. (За эти же века с неоглядчивой щедростью теряли мы наших православных и по многочисленным сектам, а за советские десятилетия — даже самую чистую, ревностную, бесстрашную молодежь, — и думаю, не всегда то была вина их своемыслия, а чаще — вина церковной закоренелости, вялости, равнодушия.) Вот как глубоко, дальне и горькокоренно — наше церковное разрознение, рассеяние и наша собственная вина в том, что постигло Россию. Вот сколько еще объединений — шагов, ступеней, нагорий объединения — высится перед нами, чтоб могли мы собраться воистину в Единую Русскую Православную Церковь, к которой наконец смиляется Бог. Нашу самую древнюю ветвь я наблюдал в богослужениях и беседах менее года назад, в московских храмах, — и я свидетельствую вам о ее поразительной стойкости в вере (и против государственного угнетения — много стойче нас!) и о таком сохранении русского облика, речи и духа, какого уже и сыскать нельзя нигде больше на территории Советского Союза. И то, что видели мои глаза и слышали уши, никогда не даст мне признать всемолимое объединение русской Церкви законченным, пока мы не объединимся во взаимном прощении и с нашей самой исконной ветвью³.

Из статьи «Русский вопрос» к концу XX века»

³ Третьему Собору Зарубежной Русской Церкви. // Публицистика. Т.1. Ярославль, 1995 С.199.

“Соборный” после-смутный период, однако, быстро кончался при Алексее Михайловиче, по историческому недоразумению увековеченном “Тишайшим”. При нём всё больше брало верх в государственном управлении “приказное” начало над “земским”, вместо здоровых земских сил — плохо организованная бюрократия, — и это тоже на 300 лет вперёд. Царствование А. М. всё наполнено бунтами — народным протестом против управления воевод и приказных. Уложение 1649 года не только оставило в прежнем закабалении холопов и крепостных, но даже усилило его. (Ответом была — серия бунтов, кончая разинским.) Война, которую вёл Алексей, была необходимой и справедливой, ибо он отвоёвывал исконно-русские земли, захваченные поляками. Наряду с тем военное столкновение открывало Алексею и меру нашей отсталости от Запада, и острую необходимость перенимать оттуда знания и технику, но вселяло и “моду” не отстать ни в чём от западных влияний, поспешно угодить даже и в исправлении богослужебных книг. И это привело его к жесточайшему преступлению анафемы собственному народу и войны против него за “никонианскую реформу” (когда уже и сам Никон отошёл от “греческого проекта”). Через 40 лет после едва пережитой народом Смуты — всю страну, ещё не оправившуюся, до самой основы, духовной и жизненной, потряс церковный Раскол. И никогда уже — опять-таки на 300 лет вперёд — православие на Руси не восстановилось в своей высокой жизненной силе, державшей дух русского народа больше полутысячи лет. Раскол отозвался нашей слабостью и в XX веке.

И на этот сотрясённый народ и не выздоровевшую страну — налетел буйный смерч Петра⁴.

**Из письма в «Вестник РХД», 1975 г.
(«Письмо из Америки»)**

Перед нами — два духовно возвышающих шага видятся мне, и оба они — в раскаянии...

Один — взять на себя, и покаяться, и искать путей неповторения: что русская церковь в роковую для родины эпоху допустила себя быть безвольным придатком государства, упустила духовно направлять народ, не смогла очистить и оцитить русский дух перед годами ярости и смуты...

Второй, ранее того, — наше безумное — бесовское! — гонение старообрядцев.

Без этих двух истинно церковных и друг другу причинно наследовавших грехов — не в России бы родился современный терроризм и не через Россию пришла бы в мир ленинская революция: в России староверческой она была бы невозможна!

Два таких последовательных раскаяния сотрясли бы, но и оживили бы к развитию наши заграничные церкви, дали бы им тот духовный импульс, которым только и восполнили бы они свое неучастие в сегодняшнем развитии России.

Увы, ответ митрополита Филарета⁵ не подал больших надежд. Он и сегодня упрекает старообрядцев в дроблении на секты (да мы же, нашей суетой, а потом

⁴ «Русский вопрос» к концу XX века. // Там же. С.619.

⁵ Митрополит Филарет (Вознесенский) – первоиерарх Русской зарубежной церкви с 1964 по 1985 гг. Речь идет об ответе на письмо Солженицын Всезарубежному церковному собору 1974 г. «С ответом Солженицыну произошла некоторая путаница. Сначала на предсоборном заседании Синода решили, что будет, может быть, напечатано его письмо и комментарии, которые мне поручили сделать. Потом начали уговаривать Митрополита написать ответ для опубликования. Ему письмо Солж. было не по вкусу. Он одно время даже сомневался, докладывать ли его Собору. Соборная Канцелярия в соответствии с первоначальным решением Синода пустила в ход мои комментарии. Между тем Митрополит приготовил ответ, но не хотел прений и потому огласил его как свой собственный ответ, а не от Собора...» (Из письма о. Г. Граббе архиеп. Антонию (Бартошевичу) от 20 декабря/2 января 1974 г. — <http://www.holmogorov.rossia.org/libr/grabbe/pisma1.htm>) — *Ред.*

жестокостью, поставили их в это положение!), в неразвитости «настоящей святости» и даже утере «каких-либо признаков православия». Тут — и незнание их, и безучастность к ним.

Этих оставшихся старообрядцев надо видеть — их крепость, их убежденность, их самоотверженные ночные моления (нам уже непосильные), их жизненное мужество и решимость — то 200-летнюю жизнь в Турции, то за одно поколение, без языков и без знания этого мира, переезды семьями — по десятку детей! — из Китая в Бразилию — из Бразилии в Штаты — и еще теперь в Аляску, спасая этих детей от развратного дыхания века. Видеть, как сохранился их национальный облик, народный нрав, и слышать их сохраненную исконную русскую речь. Нигде на всем Западе и далеко не везде в Советском Союзе почувствуешь себя настолько в России, как среди них.

Но они — затравлены и напуганы нами. Они — и христианами нас почти не почитают, иные приходы и в притворе своего храма не разрешают нам перекреститься ни по-своему, ни по-ихнему, — а русские церкви⁶ одна за другой так и быть позволяют им — присоединиться к нам... Непроходимое непонимание.

Кажется странным: начать развитие в XXI век с покаяния в грехе XVII-го? Но наши вины велики или малы не по давности их и не по числу сегодня уцелевших обиженных (старообрядцев было 12 миллионов, ныне их, может быть, во сто раз меньше), — а по объему и значению совершенного когда-то преступления. Что преступление было — оспорить никто уже не найдет. Христианам ли доказывать, что без покаяния невозможна никакая христианская жизнь и никакое движение к свету? Мистическое значение такого покаяния в 300-летнем грехе даже трудно предсказать, оно расширяется за пределы церковной политики, практики, оно может открыть такой же поворот в истории нашей страны, каким повернуло нас изначальное их гонение.

Три заграничных ветви православной церкви⁷ ежедневно по многу раз воссылают моления «о соединении всех святых Божиих церквей» — и не объединяются? Ан вот и осталось такое ясное объединяющее: чем спорить да корить — друг в друга всмотреться: ба! да все мы — свои, все — никониане! Все вместе мы поныне разделяем и одобряем великие преступления против древнего православия — и это соединило нас навек (хоть и обрекло вечно разъединяться). Все три наших новообрядческих ветви, при всех их достоинствах и различиях, едины в том, что пренебрегают растоптанным староверием, древним православием Сергия Радонежского. И неужели мы думаем, что, не упавши земно просить прощения у него (один архиепископ Антоний Женевский после собора призвал близко к тому), — какая-нибудь из трех ветвей, будь она преблистательна теоретическим арсеналом, может прийти к торжеству веры?

А у церкви Американской⁸ старообрядцы живут прямо на ее территории все. Неужели это — не Указание?..

В перспективе столетий ничтожными покажутся все нынешние различия «юрисдикций», но все более будет расти и расти тень того великого церковного преступления, с которого началась гибель России⁹.

Из письма в «Вестник РХД» 1979 г. («И вновь о старообрядцах»)

⁶ Здесь речь о новообрядческих церквях вне пределов России, которые в 1920-е годы раскололись между собой и составили отдельные друг от друга общества. См. следующую сноску — *Ред.*

⁷ «Русская православная церковь за границей» («карловчане»), «Православная церковь Америки» и «Западно-Европейский экзархат Константинопольской церкви» («евлогиане») — *Ред.*

⁸ Т. е. Так называемой «Православной церкви Америки» (Orthodox church of America; OCA) — *Ред.*

⁹ Письмо из Америки. // Публицистика. Т.2. Ярославль, 1996 С.303-305.

В №128 А.Н. произносит всеобъемлющее суждение о старообрядчестве, основываясь на том, что М. Меньшиков назвал его, видите ли, «мизонеизмом» — боязнь перед новизной. Меньшикову — и карты в руки: сам он настолько был свободен от этой боязни, что руководимое им «Новое Время» в февральскую революцию в один день совершило полный поворот всех принципов, предало все, что защищало десятилетиями, и усвоило настолько холуйский тон к совершившемуся, что даже враги из левого лагеря призывали его держаться достойней. (И наоборот, в угаре того марта одни только московские старообрядцы имели смелость — тогда это была уже смелость — высказаться за парламентскую монархию.) Оракулов все же надо выбирать осмотрительно.

Меня изумляет, как наши современники, испытав на себе советский ад, могут оставаться так бесчувственны и безжалостны к старообрядцам. Как они могут психологически не войти в это положение беспомощных, беззащитных миллионов (12 миллионов из тогдашнего небольшого населения России), у которых вдруг сжигают привычные многовековые молитвенные книги, рубят иконы, сжигают их вместе с живыми людьми, рубят правые руки, пытаются железом, — и все, оказывается, для того, чтобы внести небольшие формальные поправки, и так (еще одно письмо, К.С.) поддержать духовное единение с павшей Византией, которую из тех и в глаза никто не видел. Большевики делали то же, но соразмерно своей цели: полностью уничтожить христианскую веру. А зачем нуждались в этих методах никониане? Применением насилий и казней для утверждения веры сподвижники Никона поставили себя вообще вне христианства.

А дальше — вали на погибших что угодно. Вот А.Н. уверяет, что старообрядческая Россия не устояла бы против иностранных завоеваний. А какая же другая стояла и перестояла с X века по XVII? Старообрядческая Русь за 250 лет не сдалась татарам и смогла — народной инициативой, без правящих! — устоять в беспримерных испытаниях Смутного Времени. И в большевицкие десятилетия никто не продержался стойче старообрядцев.

Но больней всего, что А.Н. еще высказывает и слепые подозрения, будто старообрядчество опасно на современный иранский манер (кого ж оно казнило? кому мстило?), — и так угождает в струю новейших острых врагов нашего нынешнего возрождения, тех, кто, опережая клеветой наши духовные шаги, бесстыдно кидается пугать западную прессу, что русское религиозное и национальное возрождение — хуже иранского исламского фанатизма, несет худшее кровопролитие, не имеет права быть на Земле. Низкое обвинение — без всяких фактов, доказательств, обоснований. 60 лет нам не давали дышать и думать по-русски, и это не беспокоило наших критиков, это было передовое развитие. А едва мы стали приходить в себя — нас спешат топтать¹⁰.

Из книги «Россия в обвале»

Наша Смута XVII века хотя и расвободила к разбойным и жестоким действиям какую-то динамичную прослойку народа, особенно казачество, но не раскачала народных нравственных основ, сохранившихся здоровыми. Много глубже и неотвратимей сказался религиозный Раскол XVII века. Расколом была произведена та роковая трещина, куда стала потом садить дубина Петра, измолачивая наши нравы и уставы без разбору. С тех пор долго, устойчиво исконный русский характер сохранялся в обособленной среде старообрядцев — и их вы не упрекнете ни в распущенности, ни в разврате, ни в лени, ни в неумении вести промышленное, земледельческое или купеческое дело, ни в неграмотности, ни, тем более, равнодушии к духовным вопросам. А то, что третий век мы наблюдаем как «русский характер», — это уже результат искажения его жестоко

¹⁰ И вновь о старообрядцах. // Публицистика. Т.2. Ярославль, 1996 С.506-507.

бездумным Расколом, от Никона и Алексея Михайловича, затем от жестоко предприимчивого Петра и костеневших его наследников...

И когда же дойдет до истинного примирения с нашей кореннейшей ветвью, со старообрядцами? не до «прощения» их, а принесения им раскаяния за жестокие гонения в прошлом. Неужели и сегодня, когда вся разоренная Россия не ведает, быть ли ей, в эту великую русскую Беду, — мы и тут все не можем из гордыни признать ту древнюю тяжбу надуманной?¹¹

Из эпопеи «Красное колесо»

Для них, в то время, не как для нас: вся жизнь была в вере — и вдруг меняют. То — проклинали трёхперстие, теперь — только трёхперстие правильно, а двухперстие проклято. Как же этого вместе с ними не сложишь: 1000-летнее царство плюс число антихриста 666 — а собор заклатья и проклятья в лето 1667-е от Рождества Христова, как подстроено рожками? И царь православный Тишайший задабривает подарками магометанского султана, чтобы тот восстановил низложенных бродячих патриархов — и тем подкрепил истоптание одних православных другими. И кто с мордвинским ожесточением саморучно разбивает иконы в кремлёвском соборе — он ещё ли остаётся патриарх Руси? Да равнодушным, корыстным ничего не стоит снести, хоть завтра опять наоборот проклинайте. А в ком колотится правда — вот тот не согласился, вот того уничтожали, тот бежал в леса. Это не просто был мор без разбору — но на лучшую часть народа. А тут же — навалился и Пётр. Можно их понять: режь наши головы, не тронь наши бороды!

— Они веруют, как однажды научили при крещении Руси — и почему ж они раскольники? Вдруг им говорят: и деды, и отцы, и вы до сих пор верили неправильно, будем менять.

Священник открыл веки. Сказал на самой малой растрате голоса:

— Веры никто не менял. Меняли обряд. Это и подлежит изменениям. Устойчивость в подробностях есть косность.

Небойкий подпоручик однако:

— А реформаторство в подробностях есть мелочность. В устойчивости — большое добро. В наш век, когда так многое меняется, перепрокидывается, — свойство цепко держаться за старое мне кажется драгоценным.

Неужели православие рушилось от того, что в Иусе будет одно “и”, аллилуйя только двойное и вокруг аналоя в какую сторону пойдут? И за это лучшие русские жизненные силы загонять в огонь, в подполье, в ссылку? А доносчикам выплачивать барыши с продажи вотчин и лавок? За переводчиками, переписчиками книг надо было следить раньше, а вкралось немного, так хоть и вкралось.

Тихий подпоручик, со свободным поколебом русых волос над просторным лбом, разволновался, будто это всё в их бригаде совершалось, и сегодня:

— Боже, как мы могли истоптать лучшую часть своего племени? Как мы могли разваливать их часовенки, а сами спокойно молиться и быть в ладу с Господом? Урезать им языки и уши! И не признать своей вины до сих пор? А не кажется вам, отец Северьян, что пока не выпросим у староверов прощения и не соединимся все снова — ой, не будет России добра?.. [...]

— Я вообще считаю, отец Северьян, что законы личной жизни и законы больших образований сходны. Как человеку за тяжкий грех не избежать заплатить иногда ещё и при жизни — так и обществу, и народу тем более, успевают. И всё, что с церковью стало потом... От Петра и до... Распутина... Не наказание ли за старообрядцев?..

— Что же нам теперь — искорениться? Церковь на Никоне не кончилась.

¹¹ Россия в обвале. М., 1998 С.167, 184.

— Но Церковь не должна стоять на неправоте. — Саня договорил это шёпотом, будто тая от Чернеги спящего или от самого даже собеседника.

Священник ответил очень уверенно:

— Христова Церковь — не может быть грешна. Могут быть — ошибки иерархии.

Слишком уверенно, как заученно.

— Вот этого выражения никак не могу понять: церковь — никогда ни в чём не виновата? Католики и протестанты режут друг друга, мы — старообрядцев, — а церковь ни в чём не грешна? А мы все в совокупности, живые и умершие за три столетия, — разве не русская церковь? Я и говорю: все мы. Почему не раскаяться, что все мы совершили преступление?

Касаний таких уже не одно было в короткой саниной жизни, в спорах и в чтении. Проходили эти касания по внезапным мысленным линиям и не перекрещивались в единой точке, но оставляли кривой треугольный остров, на котором уже еле стояла подмываемая, подрываемая Церковь.

И когда потом государство смягчало гонения староверов — церковь сама ужесточала, теребила государство — ужесточить.

— И к чему же пришла? — к сегодняшнему плену у государства. Но любого пленника легче понять, чем церковь. Объявила бранными все земные узы — и так дала себя скрутить?..¹²

¹² Красное колесо. // *ж. Наш современник*. 1990 №1.